

ТАНЕЦ ОДИНОЧЕСТВОМ

Дмитрий Рыжук

Танец с одиночеством

«Автор»

2026

Рыжук Д.

Танец с одиночеством / Д. Рыжук — «Автор», 2026

Что делать, когда даже сама воля пасует перед ощущением пустоты? И как не сломаться, если всё вокруг теряет смысл? История о человеке, который остался наедине с собственным «я» и своими мыслями. Психологический роман о столкновении с бессмысленностью.

© Рыжук Д., 2026

© Автор, 2026

Дмитрий Рыжук

Танец с одиночеством

Глава 1

Один. Абсолютно один. Совершенно один. Только он и этот простор одиночества, что шагнул с ним в ногу беззвучно.

Сначала тишина казалась спокойной, даже уютной. Но потом она будто заговорила. Шептала что-то, смешивалась с мыслями, а в голове всё крутились одни и те же вопросы. Они день за днём, месяц за месяцем не давали покоя. Он сам себя запер в этом одиночестве, и с каждым днём вырваться становилось всё труднее. Раньше он мог бы списать это на лёгкое недомогание, что казалось усталостью, а теперь понял: это не тишина, а пустота — её ничем не заполнить.

Так размышлял Константин — молодой человек двадцати трёх лет, живший в одинокой творческой коммуналке на окраине Тимишоары, города, который порой называли маленькой Веной. Здесь пахло сыростью и едким дымом сигарет, а время будто застыло. Константин всё искал себя, пробовал то одно, то другое, но каждая попытка лишь путала, не давая обрести решимость. Не потому, что он был слаб, а потому, что варианты множились, заслоня единственный верный путь.

В юности он был светлым, почти наивным, а теперь стал другим: темноволосым, ростом чуть выше ста восьмидесяти сантиметров. Его глаза то казались с серым оттенком, то вспыхивали зелёным отблеском, будто обещая: «Ещё столько предстоит увидеть». Но в них всё чаще мелькала тень сомнения. Он оставался таким, каким видел себя сам, — не таким, как хотели бы видеть другие.

Учился он вполне удовлетворительно. В начальной школе, до пятого класса, был хорошим, но к выпуску скатился и окончил школу с тройками. Правда, надо отдать должное: литература и иностранный язык давались ему куда лучше остальных предметов. Он читал и говорил на них просто превосходно. Многие учителя, хваля его, не раз повторяли одну и ту же фразу: «Не хочешь сдавать литературу и английский?» Но потом всё переменялось — и перемены эти были к худшему. Все вокруг словно стало злым. Задиры глумились над ним и издевались — просто потому, что он был, без всякой ненависти или жалости, будто так и должно быть. Кто-то нарочно толкал его плечом, кто-то навешивал обидные прозвища, которые намертво к нему прилипали. Его оскорбляли, били, пинали, а он лишь молчал. Молчал, потому что знал: если ответит — станет только хуже. Если закричит — над ним будут смеяться ещё громче. Если заплачет — это превратится в новую шутку, которая продержится целую неделю. Чаще всего издевательства случались по дороге домой. Были и другие, тихие моменты, ранившие ничуть не меньше. Например, когда в классе делились на группы для проекта, его всегда оставляли на самый конец. Или на переменах, когда все сбивались в кучки, он стоял в стороне и делал вид, будто разглядывает что-то на стене. На самом деле он просто не знал, куда деть руки и куда смотреть. Он никому не рассказывал о том, что происходит, — ни учителям, ни взрослым, ни даже самому себе вслух. Будто если не произнести этого, то всё не будет таким настоящим. И всё же он старался незаметно ускользнуть в одиночество, спрятаться где-нибудь среди всей этой тяжести. Так и тянулось его детство — негромкое и упрямое, сотканное из боли и маленьких, незаметных для других побед, о которых знал только он сам.

С детства его семью составляли чужие по крови, но близкие по судьбе люди: Лаура и бабушка Дойна. Лаура, усыновившая его, была старше всего на четырнадцать лет, и он привык называть её «другом». Она всегда мечтала кого-нибудь усыновить — не потому, что искала замену, а потому, что хотела подарить тепло тому, кто в нём нуждался. Её сердце, разбитое на тысячи осколков и порой залитое виски, всё равно находило силы заботиться о нём.

— Ты должен ложать, но понимать, — говорила она перед сном, укладывая его в кровать.

Она работала библиотекарем — в том самом месте, где пахло свежими книгами, куда Константин любил приходить и проводить часы, перечитывая десятки произведений. Лаура с детства прививала ему любовь к мировой литературе: каждый месяц покупала новые романы, они вместе читали — то сидя в тишине, то гуляя по парку. Через героев книг он учился чувствовать, сопереживать, понимать, как быстро бежит время. Но вместе с этим в нём крепло тревожное ощущение: будто он не знает, что делает в этом мире, где за деньги можно купить почти всё, кроме настоящих чувств.

Дойна, мать Лауры, была для него скорее тенью, чем бабушкой. Суровая, неприступная, она смотрела на него так, словно его и не существовало. Её строгий взгляд не внушал доверия, а в словах звучала лишь ворчливая опаска: мир для неё состоял из мошенников, и никакие перемены не могли этого изменить. Когда-то она растила Лауру в жёстких рамках, не позволяя делать самостоятельные шаги, а когда дочь выросла, просто исчезла из её жизни, оставив её одну. И теперь, глядя на Константина, Дойна будто повторяла ту же ошибку: не замечала, не тонулась, не пыталась понять.

Отец Лауры, муж Дойны, был миссионером — проповедником, который нёс слово Божье. — Вау, наверное, это интересно и занимательно? — спрашивал маленький Костик.

— О мой мальчик, это всё ради спасения, — отвечал тот, и глаза его сияли надеждой.

Однажды он подарил Константину крестик, ласково называя его «Костюком», и ушёл — и больше не вернулся. Пропал без вести. Лаура и Дойна строили мрачные догадки: «Попап в рабство... или в племя каннибалов... а может, его убили». Но Константин уже тогда чувствовал: вера — это не только свет, но и жертва, и не всегда она спасает. Он задавался вопросом: «Разве человек не может быть спасён, если он неверующий? Если он прожил жизнь неложно, был добрым — разве этого недостаточно?»

Каждое воскресенье Константин ходил в церковь Евангелия: наблюдал, изучал, пытался понять, во что верить. Для него это было так же важно, как дышать.

Спустя два года пришло известие: тело миссионера нашли на Филиппинском архипелаге. Судмедэксперты заключили: несчастный случай — ударился головой во время проповеди. Ни больше ни меньше. Мир казался жестоким, люди — похожими на зверей, и близкие старались уберечь Константина от этой тьмы, внушая, что нужно быть осторожнее, не доверять слепо, не становиться таким, как они. Но никто не мог застраховать его от боли, от потерь, от случайностей, из которых и складывается жизнь.

Когда Константину исполнилось шестнадцать, он съехал от Лауры и снял маленькую квартиру за две тысячи румынских лей — примерно тридцать тысяч российских рублей. Он был русским по происхождению, а в Румынии оказался благодаря Лауре: она когда-то училась в одном из российских городов, а потом вернулась домой уже вместе с усыновлённым мальчиком, сделав своей матери «приятный сюрприз». Дойна приняла новость с холодным равнодушием — будто ей было всё равно. Лаура давно перестала искать в её взгляде хоть каплю тепла: любовь к дочери давно угасла, оставив лишь пепел отчуждения.

— Почему? Почему она так холодна? — снова и снова спрашивала себя Лаура, но не находила ответа. А потом и вовсе перестала задавать вопросы.

Так Константин и вырос в Тимишоаре — рядом с «другом» Лаурой и «бабушкой», которая никогда не была бабушкой по духу. Друзей у него было раз-два и обчёлся. И только к шестнадцати годам появились несколько приятелей, но вскоре они разъехались, перестали писать, звонить, и связь оборвалась. Остался только Марк — и то виделись они не чаще раза в месяц.

Марк был полной противоположностью Константина: мускулистый, уверенный, переполненный тестостероном, он будто излучал энергию. В отличие от худого, незаметного Константина, Марк умел быть в центре внимания. Он работал по четырнадцать часов в офисе, ещё три трудился дома, вечно недосыпал, но при этом успевал всё: и работать, и отдыхать, и очаровывать каких-нибудь «светских» дам, водя их по театрам и галереям.

— Кто он? — думала, проходя мимо, какая-нибудь незнакомка, заворожённая его статью.

А Константин отказывался от приглашений Марка, предпочитая оставаться в тени. Марк словно брал на себя роль «публичного лица» их дружбы, позволяя Константину прятаться за его спиной.

— Да... Что хотел, то и получил, — думал Константин, глядя, как друг уходит навстречу очередной яркой ночи.

Он старался привлекать как можно меньше внимания, погружаясь в свои размышления. Ему казалось, что он чувствует мир тоньше, чем остальные, видит то, что другие пропускают. Но эта чуткость оборачивалась мукой: тревога нарастала, вопросы множились.

«Кто я? Что я значу? Зачем я здесь?» — думал он.

Он верил в силу воли, но не мог бросить курить — выкуривал по пачке в день. Его вредные привычки были словно якоря, удерживающие его на месте. Каждый день он повторял про себя: «Жить, а не существовать». В этой фразе был для него весь смысл — оставить след, сделать жизнь настоящей. Но позитивные мысли тут же окрашивались в тёмные тона, а чувство вины, сожаления и сомнения затягивали в мрак, из которого не было видно выхода.

Глядя на сверстников, которые с гордостью делились своими успехами, Константин чувствовал странную смесь зависти и отвращения — и к ним, и к самому же себе.

«У всех будто есть план, а у меня только список „надо бы“, который с каждым днём становится все длиннее», — думал он.

Образ «успешной жизни» не давал покоя, принося лишь разочарование. «Соберись и возмись за дело» — казалось бы, простые слова, но для него они звучали как приговор. Он хотел создать что-то значимое, оставить след, который будет радовать его самого, но собственное смятение мешало сделать первый шаг.

Иногда, когда к нему подходили с энергичными вопросами, он ловко ускользал, уходя в свои раздумья и переставая замечать даже Лауру. То он боялся чужого мнения, то пугался малейшего шороха, будто за углом таилось что-то неестественное, то вдруг ощущал прилив уверенности, который тут же сменялся тщеславным раздражением.

Все эти перепады, эти внутренние бури лишь мешали ему. Кто-то мог видеть в его молчании совершенство, но сам он знал: это не сила, а растерянность. Порой ему казалось, что он ясно видит всё вокруг, а порой тревожные мысли шептали, что он теряет рассудок. Он понимал многое, но нигде не находил места. Временами самолюбие подталкивало его к действию, зажигало искру мотивации, но она быстро гасла, оставляя лишь пепел несбывшихся намерений.

Но он был просто человеком — обыкновенным, живым, чувствующим, таким же, как и все остальные. И в этой обыкновенности была своя правда.

Глава 2

Кофейня. В одной, из которых Константин бывал изо дня в день. После тяжёлого рабочего дня на стройке он садился у окна, заказывал на постоянной основе флэт уайт и слушал, как по стеклу стучит дождь. За стеклом царила прохладная, сырая осень — будто весь мир окрасился в серые тона. Константин смотрел на эту мокрую улицу и погружался в тёмные уголки собственного ума, где тревожно шелестели одни и те же вопросы: чего он добился, чего ещё может достичь и что вообще ждёт его впереди.

— Что ждёт меня? — пробормотал он хрипло, не вынимая сигареты изо рта, отвечая самому себе где-то глубоко внутри.

И в один из таких вечеров в голове вспыхнула безумная, отчаянная идея. После долгих лет поисков себя Константин вдруг ясно понял: он хочет покорять горные вершины, колесить по миру и помогать фондам, которые поддерживают бездомных животных. Мысль врезалась в сознание внезапно, словно молния, — и в ней вдруг оказалось столько смысла, сколько не было ни в одном из прежних планов. Хотя чем-то он займётся по-настоящему. Хотя чего-нибудь достигнет.

Он твёрдо решил заняться благотворительностью.

Встал, вышел из кофейни и направился к своей однокомнатной квартире. Он платил за неё сам, уходил из неё один и возвращался в неё один. Ни девушки, даже ни Марка — только он и его одиночество. Константин хорошо знал эту горькую истину: «Пришли одни и уйдём одни».

Он никогда не делился своими чувствами с Лаурой: слишком хорошо представлял, что она ответит. Она всегда его поддерживала, но скажи он ей о своём новом замысле — она бы не одобрила. Такой уж она была человек: осторожная, прагматичная, воспитанная строгой Дойной.

Когда-то одиночество даже радовало его, будто давало свободу. Но теперь оно превратилось в глубокую, холодную яму, где ничего не радовало и всё казалось бессмысленным. И вот теперь, впервые за долгое время, у него появилась цель. Он решил никому не говорить о своих планах — даже Лауре. Пусть это будет его тайной, его личным шагом в новую жизнь.

Был поздний вечер — десять часов. Константин ещё не был готов к завтрашнему тяжёлому дню, но вдруг подумал, что должен увидеть Иду.

Ида преподавала русский язык и литературу в начальных классах. Когда-то они были вместе, а теперь между ними пролегла целая пропасть. Год назад он сам отпустил её, сказав, что не достоин такой красоты и что она заслуживает свободы. И всё же почти каждый вечер он приходил к школе, когда она ещё работала, и тихо наблюдал за ней из темноты, пока в помещении не гас свет. Это было его странным ритуалом, его способом оставаться рядом, не нарушая её границ.

Сегодня он снова пошёл туда, вдыхая влажный воздух, смешанный с дымом сигареты Rothmans. Дождь только что закончился, и город пах свежестью и одиночеством.

«Я мог бы просто взглянуть со стороны — этого было бы более чем достаточно», — думал он.

Но когда он добрался до школы, в окнах уже не было света. Он сел на лавочку у её дома и стал смотреть на тени, мелькавшие за занавесками. Сидел час, потом два. Наконец, решившись уйти, выбросил пустую пачку от сигарет — и тут за спиной прозвучал нежный, словно птичья песня, голос:

— Константин?

Он застыл на пятнадцать секунд, будто превратился в каменную глыбу, простоявшую здесь сотню лет.

— Неужели это?... Не показалось ли мне?

Попытившись, он обернулся и увидел её в окне. Тонкая, изящная, будто сотканная не для этого грубого мира. Это была Ида.

В голове пронеслось: «Я так хотел увидеть. Я так давно не слышал голоса».

Год они не виделись с тех пор, как она сказала, что ей стыдно быть с ним.

— Да, я Константин, — наконец выговорил он.

Сердце колотилось так, будто хотело вырваться из груди.

— Я сейчас, минуту, — прошептала она из окна второго этажа.

Константин был готов исчезнуть, раствориться в темноте, пока она спускалась, но решительности ему не хватало и он остался.

— Здравствуй, — произнесла она чуть равнодушно.

— Добрый вечер, — ответил он секунду спустя.

Ему хотелось извиниться тысячу раз. Он всегда чувствовал вину. В его голове крутилась мысль: «Первый извиняется — самый смелый, даже если он прав. Первый прощает — самый сильный».

Они не могли быть вместе — не потому, что были разными, а потому, что он совершил ошибку, о которой жалел до сих пор. И эта ошибка стала границей между ними.

Глядя ей в глаза, он видел в ней вечный неразгаданный вопрос. А она, хоть и старалась скрыть это, хотела подойти ближе. Её душа всегда была видна в глазах — она не умела лгать.

— Глаза не умеют лгать! — вдруг сказал он вслух.

— Прости? Что ты сказал? — удивилась она.

— Нет-нет, ничего. Трудный день, — соврал он.

— Ну? Какими судьбами? Что тебя сюда занесло? — спросила она с искренним удивлением.

Он не хотел признаваться, что приходил сюда почти каждый вечер.

— Я... я хотел увидеть вас, — произнёс он неловко.

— Одиннадцать лет, Кость, одиннадцать лет. А ты всё ещё обращаешься ко мне на «вы»? Это был риторический вопрос, но он всё равно ответил:

— Уверяю вас, только из уважения, вежливости и высокой ценности.

Она только фыркнула:

— Пф, какая глупость.

На минуту между ними повисло молчание.

— Полночь. Поздновато, — заметила она.

— Какие новости? — быстро спросил он, боясь, что она уйдёт, и желая удержать её взгляд хоть ещё на минуту.

— Я? Отлично. Новости? Да никаких. Всё как всегда: работа — дом, работа — дом. Ничего нового. А ты? Как Марк?

— Он в порядке.

— Передавай привет.

— Обязательно. Если вообще увижу.

Неуверенность сковывала его. Он не стал посвящать ее о своей цели — о горах, о помощи животным, о том, что завтра утром уезжает в Катманду. Он никому не говорил об этом: ни Марку, ни даже Лауре, ни кому-либо ещё. Считал, что так будет лучше.

— Всё равно один. Это не должно никого волновать, — мелькнула взволнованная мысль.

Они попрощались, и Константин вернулся в свою одинокую коммуналку уже около часа ночи. Там он начал готовиться к отъезду. Собрал вещи и экипировку в большой походный рюкзак и поставил будильник на половину пятого утра.

Остаток ночи он провёл в полудрёме, не раздеваясь и не расправляя постель.

Пять утра. Резкий звук будильника.

— Ночь прошла достаточно быстро, — вяло пробормотал он, едва проснувшись. Кажется, он и не спал вовсе. Круги под глазами, взъерошенные волосы. — Отличный вид, приятель! — с горькой усмешкой произнёс он, глядя на своё отражение в зеркале.

В шесть утра он встретился с группой, которая отправлялась по тому же маршруту в Катманду. Никто из них не был ему ни другом, ни врагом — просто попутчики.

Доехав до аэропорта, Константин остановился перед табло.

— Тимишоара — Катманду, — проговорил он про себя. — Только табло и расстояние, которое стоило преодолеть. Что-то ведь это должно значить.

— Кажется, новая глава? — подошёл к нему кто-то из туристов.

— Да. Скорее всего, — кивнул Константин.

— Должно быть, это важно для вас?

— Хотелось бы верить. Прошу простить, но мне уже пора, — он развернулся, уходя от разговора.

— Что ж, удачи вам.

Началась посадка. Не замедляясь, он прошёл в салон и удобно устроился на месте. Чтобы отвлечься от долгого ожидания и перелёта, достал какую-то книгу. Самолёт начал набирать обороты, и Константина уже было не остановить — вместе с ним улетала и прежняя жизнь.

После многочасового перелёта они благополучно приземлились. После плотного обеда группа продолжила путь — ещё около сотни километров. Константин сидел на заднем сиденье пикапа и любовался видами. Стоял июнь, и заснеженные вершины гор сверкали на солнце, словно покрытые ослепительным серебром. Кто-то фотографировал, кто-то пытался быстро набросать пейзаж на холсте. Волнение дрожало внутри: казалось, вот-вот он обретёт тот самый смысл, которого так долго искал.

— Потрясающе, не так ли? — обратился к нему незнакомец, сидевший справа.

— Да, здорово, — синхронно отзывались все.

— Это точно, — добавил кто-то.

— Я тут впервые, — с восторгом произнёс Константин. — В таких местах бывал очень редко. Странно, что я вообще никуда не выбирался раньше.

Добравшись до места назначения, группа начала расходиться. Константин остановился у небольшого хостела, где всегда было много туристов из разных стран, и вскоре заселился в номер, чтобы отдохнуть и набраться сил: завтра утром ему предстояло познакомиться с волонтерами приюта для бездомных животных.

Всю ночь он провёл в ожидании рассвета. Бессонница, которая мучила его уже больше двух лет, медленно отступала. Он никогда не обращался к врачам: их слова ободрения ничего для него не значили. Его преследовал страх смерти, мысли о несчастных случаях, о том, как уберечь себя от беды.

— Любить жизнь со страхом и без какого-либо смысла... Какая странность, — повторял он про себя.

Едва дождавшись утра и поспав всего четыре часа, он отправился в приют. Волонтеры спросили, что им движет, почему он хочет помогать.

— Я всегда любил животных больше, чем людей, — просто ответил он.

И тогда он рассказал историю из далёкого детства. Когда ему было около девяти лет, он, не осознавая всей горечи, которую это принесёт, захотел узнать, что случится с котёнком, если сбросить его с четвёртого этажа, ведь у кошек девять жизней. Это была роковая ошибка, о которой он сожалел уже одиннадцать лет. К счастью, какая-то девушка, проходившая мимо, остановила его, вырвав из рук этого жестокого замысла. Тогда он был всего лишь ребёнком, который ещё не понимал, что делает. С тех пор он научился ценить всё, что дарит радость и красоту, и осознал, перед кем провинился.

— О Господь Всемогуший! — прохрипела одна из волонтеров, пожилая женщина.

— Теперь всё иначе. Это для меня важно, — тихо добавил Константин с горьким осадком в голосе.

Раньше он пробовал себя в искусстве, спорте, писал рукописи, занимался музыкой — но всё бросал, не доводя до конца. Теперь же ему было волнительно и интересно: что ждёт его дальше?

Подписав нужные бумаги, он попросил показать территорию.

— Могу взглянуть? — спросил он, кладя ручку на стол.

— Конечно, пойдёмте.

Во время осмотра он заметил оградки на соседних могилах.

— А это что? — спросил он.

— Одна из собак была тяжело больна, пришлось усыпить, — ответила работница приюта, будто стараясь смягчить правду.

— А здесь?

— Тут был побег.

— Побег? Как же вы это допустили?

— За всеми не уследишь, — смущённо улыбнулась она, слегка покраснев.

— Спасибо. Когда можно приступить?

Она посоветовалась с вожатой и ответила:

— Если вам удобно, можете начать завтра, в восемь утра.

— Тогда договорились. До завтра.

— До свидания.

Утром Константин пришёл в приют и начал свой первый десятичасовой рабочий день. У него лежало на счету немало денег — около пятисот тысяч лей. Хватало, чтобы весь сезон снимать однокомнатную квартиру и жить без ограничений. Но он решил не тратить их на жильё. Снимал просто номер, а ещё отдал две тысячи лей приюту — как раз столько стоил месяц аренды квартиры. После этого он с головой ушёл в работу.

Целый день он кормил, выгуливал, чистил и мыл питомцев. Если кто-то нуждался в помощи, он делал всё возможное, конечно, под присмотром более опытных волонтеров.

Один из псов, огромный и сильный, чуть не лишился лапы: наступил на крошечный осколок стекла, который было почти невозможно разглядеть. Осколок глубоко вошёл в лапу, началось сильное кровотечение. Приехали ветеринары, взяли ситуацию под контроль, извлекли осколок и перебинтовали лапу. Пёс, несмотря на размеры, вскоре уснул. А Константин продолжал работать.

К вечеру он был совершенно обессилен. За весь день он поел только один раз — времени на отдых просто не было. Время пролетело незаметно. Он вернулся в скромный номер хостела, такой же простой, как и его прежняя однокомнатная квартира.

Так прошло три месяца. Сезон подошёл к концу, и Константин решил вернуться в Тимишоару. Он собрал свой большой походный рюкзак задолго до отъезда — у него оставалось ещё три свободных дня. И тут он подумал: почему бы не подняться в горы, раз уж вся экипировка с ним?

Ранним утром, когда солнце ещё не выглянуло из-за горизонта, он пошёл по лесной тропе к высокой горе, почти достававшей до облаков. Он был единственным, кто отправился туда в одиночку. Встретив спускавшихся туристов, он подумал: «Всего на день. Главное — успеть».

Путь оказался тяжелее, чем он ожидал. Добравшись лишь до середины, он присел на скалистом уступе, чтобы перевести дух, и достал из рюкзака бутылку воды. Она уже не была прохладной, но он жадно пил, слыша, как вода булькает в горле.

— Ладно, в путь, — выдохнул он, отдышавшись.

Выпив полбутылки тёплой воды, он продолжил подъём.

И вот — момент истины. Он добрался до вершины. Проводил закат, любуясь панорамой, раскинувшейся перед ним. Горы, долины, облака — всё казалось таким огромным и в то же время удивительно гармоничным.

— Может, брошу курить, — усмехнулся он, и эта усмешка заставила его задуматься о долгом и изнурительном спуске, который ещё предстояло пройти.

Он начал спускаться, но вдруг услышал странный звук слева от тропы. Ускорил шаг, стараясь не терять равновесие. Спуск занял гораздо больше времени, чем подъём. Усталость накатывала волнами, ноги едва слушались. Когда он наконец добрался до двери своего номера, силы окончательно покинули его.

Войдя внутрь, он снял кроссовки, ноги тотчас же ощутили такое блаженство, что он даже не чувствовал жжения натертых мозолей.

Глава 3

Вернувшись в Тимишоару всего на неделю-другую после трёх месяцев в Катманду, он первым делом направился к дому Лауры.

Дверь открыла Дойна. В её глазах, несмотря на суровый вид, мелькнуло такое искреннее облегчение, что она едва сдерживала слёзы.

— Из всего земного шара, где тебя носило?! Ответь! Почему не предупредил? — почти выкрикнула она.

— Я был по делам в отъезде, — спокойно ответил Константин.

— По каким делам?! — в унисон переспросили Лаура и Дойна.

— Не важно.

— Это риторический вопрос! На него не нужно отвечать! Ну, и как? Понравилось, где бы ты ни был?

— О да. Очень.

Дойна поджала губы, будто проглотила что-то горькое.

— Лучше бы занялся чем-то по-настоящему стоящим. Строил бы карьеру. Люди, прожившие жизнь, плохого не посоветуют.

Константин чуть наклонил голову, будто прислушиваясь не к словам, а к чему-то за ними.

— Плохого не посоветуют? — переспросил он тихо, а потом голос его стал твёрже. — Вы считаете, что быть рабом системы — это правильно? Вы гордитесь тем, что всю жизнь горбачились на какого-то алчного человека, который только и думает, как бы подольше держать своё «стадо» в узде? «Пока у меня есть те, кто принесит мне доход, мне беспокоиться не о чем» — вот его правда. А вы считаете это достойным?

Дойна побледнела.

— Как ты смеешь?

— Нет, это вы как смеее навязывать мне жизнь, которой сами гордитесь? Я реалист. Самонадеянный реалист, простите. Те, кто идут против течения, по-настоящему свободны. А вы ищите выгоду и слепо следуете за толпой, лишь бы было удобно.

— Ну как ты можешь такое говорить?! — в отчаянии воскликнула Лаура.

— Вы прожили жизнь, осуждая тех, кто не вписывается в ваши рамки, боясь даже шаг сделать в сторону от рутины. Вы называете свободомыслящих людей — неудачниками, а ведь они просто не хотят быть такими, как все.

— Да ты... — Дойна почти задыхалась от гнева. — Голосок прорезался?!

— Я индивидуалист. Ставлю свои цели выше чужих ожиданий. Не пляшу под чужую дудку. Вы даже не замечаете, как глубоко увязли в этой системе.

— Ты индивидуалист, потому и одинок. Забрёл в тупик. Тебе бы к специалисту сходить, — в голосе Дойны вдруг зазвучал нервный смех, будто она пыталась скрыть страх.

Константин замер, словно её слова ударили сильнее, чем гнев. Он медленно проговорил:

— Вы всегда относились ко мне... не слишком тепло. А теперь, когда я вырос, пытаетесь навязать мне свою правду. Это что, закон выживания?

Лаура шагнула к нему, умоляюще протянув руку:

— Костя, прекрати. Что с тобой? Ты всегда был таким спокойным...

— Я просто больше не могу дышать вашими советами. Каждый раз, когда я прихожу, на меня набрасываются, будто я обязан жить по вашим правилам. Я пришёл с хорошими намерениями, а не чтобы спорить.

Он резко развернулся и вышел, хлопнув дверью.

В квартире повисла звенящая тишина.

— И что это было? — прошептала Дойна, обращаясь к Лауре.

— Кажется, что-то случилось. Я никогда не видела его таким. Будто в нём что-то пропало.

— Посмотри, кого ты воспитала, — процедила Дойна.

Но Лаура не слушала упрёков. Она знала: в словах Константина была не только злость, но и боль.

Константин шёл по набережной, затягиваясь сигаретой. Ветер трепал волосы, а в груди всё ещё кипело. Он думал о том, что должен извиниться перед Лаурой. Дойна была ему безразлична — он относился к ней ровно так же, как и она к нему. Но Лаура... она заслуживала другого отношения.

Они встретились в парке, на той самой аллее, где когда-то гуляли, когда он был ещё мальчишкой. Это место знали они оба, и Лаура сразу поняла, где его искать.

— Лаура, прости меня, — заговорил он, не давая ей вставить ни слова. — Я был неправ. Мне не стоило так срываться.

Она мягко коснулась его плеча.

— Ну что ты. Всё хорошо.

— Я не должен был так себя вести.

— Я понимаю. Но, Костя... три месяца. Ни одной весточки. Мы уже думали заявление в полицию подавать.

Его сердце сжалось.

— Прости. Обещаю: теперь ты всегда будешь знать, где я. Только ты.

— Расскажи, где ты был?

Он глубоко вздохнул.

— В Катманду. Там есть приют для бездомных животных. Я помогал им.

Лаура удивлённо приподняла брови, а потом медленно улыбнулась.

— Правда? И тебе это... нравится?

— Да. Странно, всё как будто перемешалось, но мне кажется, я наконец делаю что-то настоящее.

— Ты всегда был особенным. Очень интересным.

Они крепко обнялись, и на какое-то мгновение весь мир будто стал тише.

Расставшись с Лаурой, Константин снова окунулся в город. «Интересно, как Марк?» — мелькнула мысль. Он сел в трамвай, проехал семь остановок и подошёл к дому друга. Но Марка не было ни дома, ни в сети.

«Наверное, в командировке, — подумал Константин. — Кто вообще работает в субботу?»

По дороге он зашёл в библиотеку — ту самую, где когда-то проводил часы, вдыхая запах бумаги и чернил. Здесь всё пахло прошлым, и это даже вроде как успокаивало. Лауры не было — был выходной, да и они уже виделись. Он взял с полки новый томик, вышел на улицу и сел на лавку. Уткнувшись в страницы, он читал, не замечая времени. Шесть глав, двадцать пять, а может, и тридцать страниц — он не считал. Только когда попытался сменить позу, почувствовал что-то липкое под собой. На лавке остались красно-алые пятна — краска ещё не высохла. Константин усмехнулся, встал, отряхнулся и пошёл дальше. Три часа чтения стоили испачканных брюк.

Послезавтра он снова уезжал в Катманду. Так и не встретившись с Марком.

Марк был человеком дела: всегда в движении, всегда занят. Скорее всего, он действительно уехал в командировку, о которой Константин просто не знал. Да и как он мог знать о приезде Константина? Никто не ждал его здесь.

Решив уехать снова, Константин предупредил только Лауру. Её реакция оказалась неожиданно спокойной, почти одобрительной. Дойне знать не было нужды — да она и не одобрила бы. Но это уже не имело значения. Главное, что Лаура знала. А с Марком он поделится всем позже.

Странно было только одно: как бы Константин ни пытался встретиться с другом, Марк всё время оказывался где-то в другом месте. То занят, то в отъезде. Можно было подумать, что он избегает встреч, прикрываясь делами. Но Константин не хотел искать подвоха. Просто так совпало.

Город шумел, трамвай звенел на поворотах, а Константин шёл вперёд, чувствуя, как понемногу утихает буря внутри. Впереди снова были горы, приют, работа, смысл. И пусть кто-то этого не понимал — он сам наконец начал понимать себя.

Глава 4

Константин снова собирался в путь. Он схватил свой большой походный рюкзак — тот самый, который за всю неделю так и не успел распаковать. Лямки норовили соскользнуть, а сам рюкзак будто шептал ему в спешке: «Постой, я слишком тяжёлый, из-за всех этих вещей и набитых карманов я только всё усложню». Константин и правда опаздывал на запланированный рейс и теперь неуклюже бежал, стараясь удержать неповоротливую ношу.

Однажды, в один из редких выходных, когда приют был закрыт и ему велели прийти только на следующий день, Константин провёл утро в хостеле. Он стоял на балконе с дымящейся сигаретой и кружкой почти остывшего кофе и любовался панорамой, которая разворачивалась перед ним, словно живая картина. Потом он решил пройтись и получше рассмотреть чудесный Катманду — и неожиданно встретил тех самых туристов, с которыми когда-то летел сюда.

— День добрый! Как вас... напомниме? — обратился к нему один из парней.

— Добрый. Константин.

— Ах да, точно-точно!

— Вы меня помните? — чуть смущённо спросил Константин.

— Ну конечно! Только имя из головы вылетело.

— Мы тогда толком и не познакомились, — заметил Валентин, словно приглашая начать всё заново.

— Я Валентин. Очень приятно!

— Константин. Рад знакомству!

— Так что же вас сюда привело, Константин? — поинтересовался Валентин.

И Константин вдруг охотно начал рассказывать: про Румынию, про хостел, про помощь приюту для животных.

— Ничего себе, здорово! Вы благотворитель?

— Нет, ничего особенного. Но для меня это стало важным.

— А вы откуда? И зачем здесь? — засыпал он Валентина вопросами.

— Я из Латвии. Путешествую с группой. Уже больше семи лет колесим по миру, покоряем горные вершины.

— А вы сами путешествуете? — быстро спросил Валентин.

Константин невесело усмехнулся:

— Нет, что вы... Я только сейчас будто выбрался из какой-то скорлупы. Но именно здесь я впервые почувствовал себя по-настоящему живым.

— Да... Живая жизнь, — тихо повторил Валентин, будто пробуя эти слова на вкус.

— Слушайте, мы сейчас уходим на одну из вершин. Не хотите с нами?

Константин задумался: а успеет ли он вернуться к завтрашнему дню?

— На сколько? На день? На два?

— Буквально на сутки. Тут недалеко.

Он чуть помедлил, а потом кивнул:

— Да, согласен.

Они присоединились к группе и отправились в путь.

— Бывали раньше в горах? — спросил кто-то из команды.

— Да. Недели две назад поднимался.

— Вот мы уже три месяца здесь.

— А куда потом? — прямо спросил Константин.

— По плану — в Альпы. Во Францию, верно? — спросил Валентин, обернувшись к остальным.

Те кивнули.

— Не хотите с нами? — снова предложил Валентин.

Константин на мгновение задумался, но почти сразу понял: их дороги сейчас не совпадают.

— Пожалуй, откажусь. При всём уважении.

Сутки пролетели незаметно, будто кто-то смахнул их лёгким движением руки. Константин даже не успел осознать, как быстро промчалось время.

Наступило утро. Пора было идти. Он вдруг поймал себя на мысли, что в этот раз ему оказалось удивительно легко знакомиться с людьми. Обычно это давалось ему с трудом, но сейчас слова сами находили дорогу. Ему хотелось говорить и слушать, узнавать новые истории, но времени катастрофически не хватало.

Вернувшись в хостел буквально на пару минут, он взял нужные вещи для работы в приюте и снова отправился вперёд. Он не выспался, но и не опоздал — целые сутки в горах стоили этой усталости.

Те самые штаны, испачканные тёмно-алой краской, снова были на нём. Они уже отслужили свой второй сезон.

— Кажется, не зря я тогда сел на ту окрашенную лавку, — пробормотал он себе под нос, мельком взглянув на пятна.

Уставший, он сидел и провожал закат. Солнце садилось, заливая всё вокруг кроваво-золотым светом, и его зелено-серые глаза будто вспыхивали, как два маленьких фонаря. В какой-то момент внутри всё вдруг стало на свои места.

«Что бы я ни делал, куда бы ни шёл — всё идёт своим чередом. Всё так, как нужно, и так, как должно быть. Пусть будет так, как будет».

В его сознании прояснилось: какой бы путь ни выбрала для него жизнь, какие бы рельсы ни легли под ноги — значит, так и должно случиться. И в этом странном принятии было какое-то тихое, почти невесомое чувство покоя — лучшее из всех, что он знал.

Глава 5

Дни сменяли друг друга, а Константин всё оставался в этом городе. До конца сезона оставалось ещё две с половиной недели. Он по-прежнему помогал брошенным животным, но так и не сблизился с теми, с кем работал бок о бок. За всё время он едва ли обменялся с ними больше чем парой дежурных фраз: «Доброе утро» — и ближе к вечеру: «Всего хорошего».

Почему с Валентином он нашёл общий язык так легко, а с собственными коллегами не мог и слова связать? В этом была какая-то странная несправедливость: ведь ради этих самых животных он и приехал сюда. Но контакта не получалось. Вопрос этот оставался для него загадкой, без ответа и без ключа.

Уже полгода он жил в разъездах, и усталость стала его привычной тенью. Даже разговоры с Лаурой, которые раньше согревали, теперь казались обременительными: её просьбы писать хотя бы раз в неделю отзывались в нём не теплом, а тяжестью. Раньше он никогда не уставал от неё — он уставал от самого себя, от ощущения, что топчется на месте.

Он работал без передышки, позволяя себе лишь один выходной, который неизменно проводил в горах. Поначалу это было спасением, но постепенно и горы перестали приносить облегчение. Выбравшись из суеты, он наблюдал за людьми, которые мчались по жизни — то спасаясь от чего-то, то отчаянно к чему-то стремясь. Они спотыкались, торопились, боролись за выживание, и эти наблюдения всё чаще подталкивали Константина к мысли, что ему стоит уехать. И всё же он понимал: то, чем он здесь занимается, нужно ему так же, как живому существу нужен воздух.

Ещё одна неделя подошла к концу. Вместо того чтобы отправиться к вершинам, Константин остался в хостеле. За весь день он вышел лишь раз — ближе к семи вечера, чтобы купить сигареты. Прогулялся всего полчаса под прохладным вечерним воздухом и вернулся. Поднявшись на второй этаж, он прошёл по длинному коридору мимо ресепшена, но вдруг

остановился. Впервые за долгое время в нём шевельнулось острое, почти отчаянное желание просто с кем-нибудь поговорить.

За стойкой стояла молодая девушка — администратор Мира. Она выглядела моложе своих лет, может, была всего на пару лет старше Константина.

— Добрый вечер! — сказал он, чувствуя, как внутри дрожит непривычная капля смелости. — Я Константин.

— Мира. Очень приятно, — улыбнулась она.

— И мне.

— Вы тут уже полгода, верно?

— Да. Я уезжал на неделю, а теперь снова вернулся.

— У нас снимать номер выгоднее, чем квартиру.

— Спасибо, я знаю.

— Чем занимаетесь?

— Я путешественник.

— Обычно путешественники не задерживаются у нас на полгода.

— Я ещё и благотворительностью занимаюсь. И в горы хожу.

— А, это тут не редкость. Многие приезжают, но надолго не остаются. Максимум на месяц. А откуда вы? Я видела данные, но уже забыла.

— Из Румынии.

— Ах да, точно.

— А вы? Местная?

— Нет, я из России. Живу тут уже около трёх лет.

Они оба на мгновение замерли от этого совпадения.

— Правда? Как вы тут оказались?

— Вам тот же вопрос: как вы оказались здесь?

Они рассмеялись.

— Это долгая история.

— Как тесен мир, — покачал головой Константин.

На минуту повисла лёгкая, не тягостная тишина.

— Если что-то понадобится — обращайтесь, — сказала Мира.

— Спасибо.

— Рада была поболтать, но мне пора сдавать смену. Может, ещё увидимся?

— Обязательно. До свидания.

— Всего хорошего, Константин.

Он пошёл к своему номеру, про себя повторяя: «И правда, как тесен мир».

Усевшись на кровать в номере, Константин одновременно чувствовал восторг от этой короткой беседы и странную, тревожную лёгкость, будто он наконец приоткрыл какую-то дверь. Эмоции бурлили, обещая, что стоит только захотеть — и можно будет говорить, слушать, быть услышанным. Он просидел так больше получаса, пока не очнулся от звука таймера телевизора: ровно в девять начались местные новости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.